

Кони Анатолий Федорович

Князь В.Ф.Одоевский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Федорович К.**
Князь В.Ф.Одоевский / Кони Анатолий Федорович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
36 с.

ISBN 978-5-519-90131-4

ISBN 978-5-519-90131-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ничный трескъ не долговѣченъ, и скоро смѣняется легкимъ облачкомъ дыма среди еще болѣе сгустившейся тьмы. Другіе свѣтятъ ровнымъ и холоднымъ свѣтомъ электрической лампы, давая возможность на довольно большомъ разстояніи различать истинныя очертанія предметовъ. Этотъ полезный и даже необходимый свѣтъ похожъ однако на осеннее солнце, которое свѣтитъ, но не грѣетъ. Есть и такіе, которые горятъ тихимъ, ровнымъ и примирительнымъ огонькомъ лампы предъ образомъ, на которомъ изображены лучшія чаянія и требованія человѣческаго духа, свободного отъ низменныхъ и условныхъ узъ житейской прозы.

Такой лампадой былъ кн. Одоевскій. И на образѣ, предъ которымъ она горѣла, были начертаны — *правда, знаніе и дѣятельная любовь* къ людямъ. Вооруженный знаніемъ, всестороннимъ и оживленнымъ жадностью пытливаго ума, Одоевскій всю жизнь стремился къ правдѣ, чтобы служить ей, а ею — людямъ. Отсюда его ненависть къ житейской и научной лжи, въ чемъ бы онѣ не проявлялись; отсюда его отзывчивость къ нуждамъ и бѣдствіямъ людей и пониманіе ихъ страданій; отсюда его бѣдность и сравнительно скромное служебное положеніе, несмотря на то, что онъ носилъ древнее историческое имя, принадлежа къ старѣйшимъ изъ Рюриковичей и происходя отъ кн. Михаила Черниговскаго, замученнаго въ 1286 г. въ Ордѣ и причисленнаго Церковью къ лику святыхъ. До старости онъ представлялъ собою довольно рѣдкое у насъ исключеніе и никогда не становился *человѣкомъ прошедшаго* и *человѣкомъ прошедшимъ*, не переходя на столь обычную торную дорогу, на которой за равнодушіемъ къ тому, что возбуждало когда-то негодованіе, слѣдуетъ терпимость къ нему, а за тѣмъ и примиреніе съ нимъ, иногда тайное, а иногда и явное, съ громогласнымъ отреченіемъ отъ сатаны.

Онъ самъ прекрасно охарактеризовалъ себя въ 1841 году, въ повѣсти «Эльса», въ слѣдующихъ словахъ: «Въ Москвѣ жилъ-былъ у меня дядюшка, человѣкъ немолодой, но съ умомъ, серд-

цемъ и образованностью; а въ этихъ трехъ вещахъ, говорятъ, скрывается секретъ никогда не старѣться; дядюшка не выживалъ изъ ума, потому, что не выживалъ изъ людей. Три поколѣнія прошли мимо него, и онъ понималъ языкъ каждаго. Новизна его не пугала. Постоянно слѣдя за жизнью науки, онъ привыкъ видѣть естественное развитіе этого огромнаго дерева, гдѣ безпрестанно изъ открытія являлось открытіе, изъ наблюденія—наблюденіе, изъ мысли выростала другая мысль». Вотъ почему въ рамки неблестящей по внѣшности жизни Одоевскаго было заключено богатѣйшее содержаніе.

Какъ-бы разнообразень и самобытенъ ни былъ талантъ писателя, къ послѣднему всетаки можно предъявить всегда рядъ требованій, лишь при наличности которыхъ онъ можетъ съ успѣхомъ исполнять свою просвѣтительную задачу. Въ произведеніяхъ его должна сквозить его личная душа, и каждое произведеніе должно быть откровеніемъ личной души автора, *заражающей*, по выраженію гр. Л. Н. Толстаго, душу общества своимъ настроеніемъ, надеждами или страданіями. Не даромъ Лермонтовъ влагаетъ въ уста холодной и пустой толпы слова: «Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?» Конечно, писатель не долженъ выдвигать постоянно на первый планъ свою личность съ ея антипатіями, вкусами и наклонностями, но душа его должна *чувствоваться* въ его произведеніяхъ. Это требованіе имѣло большое значеніе въ тѣ старые годы, когда Одоевскій выступилъ на литературное поприще, и когда всё, или почти всё сводилось къ *занимательности* разсказа, въ которомъ можно было уловить силу воображенія и искусство замысла автора, но нельзя было ощутить біенія его сердца. Оно существенно и въ настоящее время, когда въ литературу вторглось направленіе, предпочитающее форму содержанію и переносящее центръ тяжести произведенія въ неопредѣленные, неясныя и даже уродливыя настроенія, за которыми также не слышится голоса нормально чувствующаго сердца. Это требованіе даже особенно важно нынѣ при той роли, которую присваиваетъ себѣ торжествующій эго-

тизмъ, убаюкивающій себя, въ отрѣшеніи отъ всякихъ общественныхъ интересовъ, пестрой и звонкой игрою красокъ и звуковъ.

Затѣмъ, мысль автора должна имѣть свойство переживать форму. Послѣдняя можетъ ветшать, но пусть облеченная въ нее мысль будетъ обращена на вопросы, вѣчно волнующіе человечество, и потому — всегда современные. Послѣднее требованіе осуществляется тѣмъ полиѣ, чѣмъ болѣе приковывается къ себѣ вниманіе читателей *языкъ* и *стиль* произведенія.

Наконецъ, за исключеніемъ мистическихъ и философскихъ произведеній, мысль автора тогда только живуча и ударяетъ по струнамъ души «съ невѣдомою силой» когда она не отрѣшена отъ жизни, черпаетъ изъ нея свое движущее начало и, питая ее своимъ содержаніемъ, не противорѣчитъ ей законнымъ требованіямъ. При этомъ личная дѣятельность писателя должна находиться въ соотвѣтствіи съ его словомъ, и тѣмъ доказывать, что его слово и мысль — едины и нераздѣльны.

Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяетъ князь Одоевскій. Его образный, сильный языкъ, блещущій метафорами и здоровымъ пафосомъ, обратилъ на себя вниманіе еще Бѣлинскаго, который подмѣтилъ въ немъ «безпокойный и страстный юморъ». Можно даже сказать, что въ языкѣ Одоевскаго гораздо болѣе слышится ораторъ, чѣмъ писатель, — чувствуется трибуна, но не спокойный кабинетъ. И это потому, что онъ старался говорить обществу, поучая его и будя его мысль, а не только занимая и развлекая его. Его душа, удрученная всѣмъ, что онъ видѣлъ тяжелаго и ложнаго въ окружающей жизни, стремилась высказаться въ выраженіяхъ, за ироніей которыхъ, подчасъ довольно мрачной, слышались наболѣвшіе звуки любящей души. Съ этой точки зрѣнія извѣстное французское выраженіе «*le style c'est l'homme*» — въ приложеніи къ нему, могло бы быть передѣлано въ «*le style c'est l'âme*».

Для примѣра достаточно привести нѣсколько словъ изъ его разсказа «Балъ», гдѣ онъ описываетъ наводненіе, прервавшее

свѣтскій праздникъ и грозящее смертью гостямъ. «Подъ веселый напѣвъ контрданса свиваются и развиваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подобострастныхъ азролитовъ вертятся вокругъ однодневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незначущее слово, привязанное къ глубокому, долготѣнному плану; тамъ улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползутъ темные грѣхи и, торжествующая подлость гордо носить на себѣ печать отверженія... Но слышался шумъ... Иные шепчутъ между собою... Иные быстро побѣжали изъ комнаты и трепещущіе возвратились... Со всѣхъ сторонъ раздается крикъ... «Вода! вода!», всѣ бросились къ дверямъ: но уже поздно! Вода захлестнула весь нижній этажъ. Въ другомъ концѣ залы еще играетъ музыка; тамъ еще танцуютъ, тамъ еще говорятъ о будущемъ, тамъ еще думаютъ о вчера-сдѣланной подлости, о той, которую надобно сдѣлать завтра; тамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не думаютъ. Но вскорѣ всюду достигла страшная вѣсть,—музыка прервалась, все смѣшалось... Отчего жъ поблѣднѣли всѣ эти лица? Отчего стиснулись зубы у этого ловкаго, краснорѣчиваго ритора? Отчего такъ залепеталъ языкъ у этого угрюмаго героя? Отчего такъ забѣгала эта важная дама, которой, бывало, каждый шагъ казался снисхожденіемъ къ окружающимъ? О чемъ спрашиваетъ этотъ великолѣпный мужъ, для котораго и лишній взглядъ казался оскорбленіемъ?.. Какъ, милостивые государи, такъ есть на свѣтѣ нѣчто, кромѣ вашихъ ежедневныхъ интригъ, происковъ, расчетовъ? Неправда! пустое! все пройдетъ! опять наступитъ завтрашній день,—опять можно будетъ продолжать начатое, свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до новаго мѣста!»... Наводненіе дѣлаетъ свое дѣло: волны, какъ тигры разбиваютъ окна, и со всѣхъ сторонъ врываются въ залу. Гибель неизбежна, и автору приходится сознаться, что положеніе ужасно. «Да! въ самомъ дѣлѣ ужасно, говоритъ онъ,—еще минута, и взмокнутъ эти роскошныя, дымчатые одежды вашихъ

женщины! Еще минута, и честолюбивыя украшенія на груди вашей только прибавятъ къ вашей тяжести и повлекутъ васъ на холодное дно. Гдѣ же всемошныя средства науки, смѣющейся надъ усиліями природы?... Милостивые государи, *наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ*. Гдѣ же сила молитвы, двигающей горы? Милостивые государи, вы потеряли *значеніе* сего слова. Что же остается вамъ?... Смерть, смерть, ужасная, медленная! Но ободритесь: что-жъ такое смерть? Вы люди дѣльные, благоразумные; правда, вы презрѣли голубиную чистоту, зато постигли змѣиную мудрость,—неужели то, о чемъ посреди тонкихъ, смѣтливыхъ разсужденій вашихъ вы никогда и не помышляли, можетъ быть дѣломъ столь важнымъ? Призовите на помощь свою прозорливость, испытайте надъ смертью ваши обыкновенныя средства: испытайте, нельзя ли обмануть ее *льстивою рѣчью*? нельзя ли *подкупить* ее? наконецъ, нельзя ли ее *оклеветать*?

Говоря въ «Русскихъ ночахъ» о картахъ, какъ объ изобрѣтеніи враждебной человѣку силы, которая стремится развить въ его душѣ дурныя чувства, отучить его думать о чемъ-нибудь серьезномъ и сравнивать между собою людей, сплотивъ ихъ такъ, чтобы не могла выставиться ни одна голова и ни одно сердце, князь Одоевскій пишетъ: «За картами нельзя думать ни о чемъ кромѣ картъ, и, главное, за картами всѣ равны: и красавецъ, и уродъ, и ученый, и невѣжда, и геній, и нуль, и умный человѣкъ, и глупецъ; нѣтъ никакого различія: послѣдній глупецъ можетъ обыграть перваго философа въ мірѣ, а маленькій чиновникъ большого вельможу. Представьте себѣ наслажденіе какого-нибудь нуля, когда онъ можетъ обыграть Ньютона или Лейбница и сказать имъ: «Да вы, г. Ньютонъ, играть не умѣете; вы, г. Лейбницъ, не умѣете картъ въ руки взять!» Такъ рисуя безотрадную и полную нарастающаго раздраженія и зависти жизнь свѣтской старой дѣвы, Одоевскій кончаетъ свой разсказъ остроумнымъ описаніемъ проникнутыхъ злобой и ненавистью снова старой дѣвы о ея соперникахъ, обогнавшихъ ее въ выходѣ замужъ и не находить, однако словъ порицанія для изуродованнаго

условіями жизни несчастнаго существа, страдающаго и причиняющаго другимъ страданія. «Что же дѣлать, — восклицаетъ онъ — если для дѣвушки въ обществѣ единственная цѣль въ жизни — выйти, замужъ! если ей съ колыбели слышатся эти слова, «когда ты будешь замужемъ!» Ее учатъ танцовать, рисовать, музыкѣ для того, чтобъ она могла выйти замужъ; ее одѣваютъ, вывозятъ въ свѣтъ, ее заставляютъ молиться Господу Богу, чтобъ только скорѣе выйти замужъ. Это предѣлъ и начало ея жизни. Это сама жизнь ея. Что же мудренаго, если для нея всякая женщина дѣлается личнымъ врагомъ, а первымъ качествомъ въ мужчинѣ — *удобоженимость*? Плачьте и проклинайте, — но не бѣдную дѣвушку!»

Вдумчивый и глубокій мыслитель сказывается *въ содержаніи* произведеній Одоевскаго. Въ нихъ чрезвычайно ярко и постоянно просвѣчиваетъ ненависть къ обычной житейской лжи и стремленіе къ борьбѣ съ нею. Самъ Одоевскій въ замѣткахъ своихъ, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ, опредѣляетъ себя, какъ борца противъ лжи и подчасъ ея жертву: «Ложь въ наукѣ, ложь въ искусствѣ и ложь въ жизни были всегда моими врагами и моими мучителями. Всюду я преслѣдовалъ ихъ и всюду они меня преслѣдовали». Его проникательному и направленному къ идеямъ высшаго порядка уму было ясно, что наиболѣе широкое проявленіе этой лжи выражается въ условности людскихъ отношеній, идущихъ въ разрѣзъ съ здравымъ разсудкомъ и съ законными требованіями сердца. Опутывая челоуѣка, эта условность постепенно и неотвратимо заволакиваетъ туманомъ и скрываетъ истинный *смыслъ* жизни, устраняя такимъ образомъ и заботу о *содержаніи* этой жизни, и вызывая на равнодушіе къ самымъ вопіющимъ ея противорѣчіямъ и на примиреніе съ ними.

Князь Одоевскій рано вступилъ въ общественную дѣятельность, и первые шаги пришлось ему дѣлать по окончаніи курса въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, среди условій жизни, въ которыхъ еще очень сильно сказыва-

лась «Грибоѣдовская Москва» и гдѣ литературныя занятія сводились въ значительной своей части къ реблческимъ забавамъ «Арзамаса». Затѣмъ, надъ этимъ обществомъ пронеслась гроза, послѣдовавшая за 14 декабря 1825 г., и жизнь общества, на время взволнованная тѣми, кого смела эта гроза съ лица образованной Россіи, вошла въ колею обычнаго свѣтскаго существованія, всѣ интересы котораго сосредоточивались на настоящемъ днѣ, безъ особенной заботы о днѣ завтрашнемъ. Крѣпостное право охраняло членовъ этого общества отъ какихъ-либо заботъ не только о хлѣбѣ насущномъ, но и о трудѣ вообще; а «спасительный страхъ» за свое личное положеніе, присоединившійся къ прежнему самодовольству, развилъ особенную жайду развлеченій, какъ средства убить не только время, но и тревожные запросы души. Съ этой свѣтской жизнью (тогда не существовало общественной жизни въ нынѣшнемъ смыслѣ слова) и вступилъ въ борьбу, рисуя ея лживыя и мрачныя стороны, князь Одоевскій. Его не могъ подкупить своимъ наружнымъ блескомъ тотъ «хладный свѣтъ», который наноситъ сердцу «неотразимыя обиды», — гдѣ господствуетъ «молвы коварное гоненье», — гдѣ приходится «за каждый свѣтлый мигъ платить слезами и тоской», — гдѣ, по выраженію Шамфора, «ошибки вырѣзаются на мѣди, а заслуги начертываются на пескѣ». Отсюда сатирическое направленіе многихъ его произведеній, въ которомъ онъ объявилъ систематическую войну пошлости и ничтожности такъ называемой свѣтской жизни.

Уже въ 1824 году онъ помѣщаетъ въ Альманахѣ «Мелюзина» фантастическій апологъ подъ названіемъ «Старички, или островъ Панхай», гдѣ описывается фантастическій островъ, населенный *старцами-младенцами*, наблюденіе надъ которыми показываетъ «свѣтъ и людей, въ немъ живущихъ, въ истинномъ ихъ видѣ». Одни старцы съ чрезвычайной важностью перекидываютъ другъ другу пестрые мячики, и игра эта называется свѣтскими разговорами. Другіе старцы окружаютъ дерево съ красивыми, но гнилыми плѣдами, къ которымъ каждый изъ нихъ лѣ-

ветъ изгибая спину, отталкивая однихъ и хватаясь за другихъ, рукоплеща достигшимъ доверху и немилосердно колотя упавшихъ. Подводя къ этому дереву юношей и показывая растущіе на немъ плоды, старцы-младенцы увѣряютъ, что плоды чрезвычайно вкусны и составляютъ единственную цѣль человѣческой жизни, а ее лучше всего можно достигнуть перекидываньемъ пестраго мячика. Нѣкоторые старцы-младенцы, завязавъ себѣ глаза и приказавъ за собою слѣдовать толпѣ юношей, приводятъ ихъ въ незнакомое имъ самимъ мѣсто и съ важностью указывая невидимый имъ самимъ путь, ссылаются на свою опытность, сдѣлавшую ихъ искусными въ подачѣ совѣтовъ и т. д.

Съ наибольшею силою сказалось отрицательное отношеніе Одоевскаго къ современному ему укладу окружавшей его жизни въ рядѣ его прелестныхъ и проникнутыхъ высокою мыслью сказокъ для взрослыхъ, и въ особенности въ сказкѣ «О Кивакелѣ» (1833 г.). За двадцать лѣтъ до геройской гибели защитниковъ Севастополя среди его окровавленныхъ развалинъ,—гибели, обпаружившей съ жестокою и кровавою очевидностью то, что Иванъ Аксаковъ называлъ «фасадностью» нашей жизни,—князь Одоевскій указывалъ на опасность общественнаго настроенія, находившаго себѣ нравственное удовлетвореніе въ сознаніи призрачной, какъ оказалось, военной мощи, развиваемой въ прямой ущербъ развитію духовныхъ силъ народа,—на ряду съ высокоумѣрною терпимостью лишь къ самымъ слабымъ и одностороннимъ проблескамъ мысли.

Въ красивую куклу восточный мудрецъ и волшебникъ вдохнулъ живую мысль и горячее чувство, но по ироніи судьбы она становится женою господина Кивакеля, въ грубомъ, безобразномъ и неповоротливомъ тѣлѣ котораго живетъ «деревянная душа». Одухотворенная красавица-кукла жалѣетъ о несчастномъ и, «гордая искусствомъ любви и страданій», рѣшается возвысить и возродить грубое, униженное природой существо, и тѣмъ исполнить высокое предназначеніе женщины. Начинается долгая и безуспѣшная работа, въ концѣ которой Кивакель самъ выбираетъ

для себя занятіе и наслажденіе: онъ ежедневно тщательно наби-
ваетъ и выкуриваетъ 80 трубокъ, и лошадь дѣлается его наукой,
искусствомъ, поэзіей, жизнью, любовью, добродѣтелью, преступ-
леніемъ и вѣрою. Тщетно красавица призываетъ на помощь всю
силу ума, чувства и воображенія: ничто не можетъ заставить ея
владыку мыслить о чемъ-либо, кромѣ стойла, въ которомъ стоятъ
его любимцы. «Напротивъ,—говоритъ князь Одоевскій,—обжи-
вшись хозяиномъ въ домѣ, онъ сталъ смотрѣть на красавицу, какъ
на рабу свою; горячо сердился за ея упрёки; не прощалъ ей ни
одной минуты самозабвенія; ревниво слѣдилъ каждый невинный
порывъ ея сердца, каждую мысль ея, каждое чувство; всякое
слово, не похожее на слова, имъ произносимыя, онъ называлъ
нарушеніемъ законовъ божескихъ и человѣческихъ; и иногда въ
свободное отъ своихъ занятій время, между трубкою и лошадью,
читалъ красавицѣ увѣщанія, въ которыхъ восхвалялъ свое сми-
ренномудріе и оуждалъ то, что онъ называлъ развращеніемъ
ума ея». Но мудрецъ востока, научившій красавицу искусству
страдать, не далъ ей умѣнья переносить страданья и она зачахла,
измученная своею жизнью. †

Хотя «difficile satyram non scribere», князь Одоевскій созна-
валъ однако необходимость выразить и свои положительные
идеалы, указавъ на то, въ чемъ видитъ онъ смыслъ и содержа-
ніе жизни. Любовь къ людямъ — живая и дѣятельная — должна
быть движущимъ началомъ въ жизни человѣка, не отдающагося
исключительной и близорукой заботѣ о самомъ себѣ. Въ рядѣ
повѣстей и отдѣльныхъ эпизодовъ своихъ «Русскихъ ночей» Одо-
евскій облакаетъ это нравственное требованіе въ поэтическіе
образы и въ картины, нѣсколько устарѣлый языкъ которыхъ
вполнѣ искупается ихъ внутреннимъ смысломъ. На первомъ мѣстѣ
здѣсь долженъ быть поставленъ коротенькій рассказъ «Брига-
диръ». Давно уже замѣчено, что талантливымъ людямъ, съ воз-
вышеннымъ строемъ души, вовсе не знающимъ другъ друга, жи-
вущимъ на разныхъ концахъ свѣта, раздѣленнымъ временемъ и
національными особенностями,—приходятъ однако одни и тѣ же

мысли, воплощаемыя въ художественные образы, при чемъ разность выполненія не измѣняетъ существа сюжета. Достаточно указать въ этомъ отношеніи, на примѣръ, на «Портретъ» Гоголя и на удивительный по силѣ и сжатости рассказъ Эдгара Поэ «Овальный портретъ», гдѣ одна и та же мысль — о художникѣ, извлекающемъ вмѣстѣ съ живыми красками самую жизнь изъ того, чье изображеніе онъ пишетъ, — пришла въ голову двумъ писателямъ, конечно никогда другъ о другѣ не слыхавшимъ. То же явленіе повторилось и съ Одоевскимъ, сказка котораго «О мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ», ярко рисующая наши старые, отжившіе судебные порядки, сходится въ основномъ фантастическомъ замыслѣ съ позднѣйшею популярной повѣстью англійскаго писателя Стевенсона «Исторія доктора Джекиля и мистера Гайда».

Приглашенный на похороны «Бригадира», который всю жизнь тѣлъ, пилъ, не дѣлалъ ни добра, ни зла, не былъ никѣмъ любимъ и не любилъ никого, авторъ присутствуетъ холодно при отпѣваніи и нигдѣ не замѣчаетъ ни слезы, ни вздоха, ни слова, — но ночью мертвецъ приходитъ къ нему, щеголяетъ какимъ-то родственнымъ съ нимъ сходствомъ и съ выраженіемъ неистощимой грусти и горькаго упрека, начинаетъ вызывать передъ нимъ китайскія тѣни изъ своей прошлой жизни. Передъ читателемъ проходитъ помѣщичій домъ, гдѣ отецъ, занятый службой, картами и псовой охотой, думаетъ, что воспитываетъ своего сына, когда поитъ, одѣваетъ, бранитъ и сѣчетъ его, — гдѣ мать занята надзоромъ за нравственностью цѣлаго околотка, такъ что ей некогда присмотрѣть ни за нравственностью сына, ни за своей собственной. Она учитъ сына притворяться, лгать, быть почтительнымъ къ роднымъ и выучивать наизусть слова, которыхъ она сама не понимаетъ, — и все это, полагая, что она его воспитываетъ, когда, въ сущности, воспитываетъ грязная дворня, обучая его легко усваиваемымъ изобрѣтеніямъ невѣжества и разврата. Этому воспитанію соответствуетъ и ученіе, которое не развертываетъ, а убиваетъ способности; а затѣмъ идетъ